

Иван Алексеевич Бунин
(Песня жаворонка)

Содержание

#1	0005
Комментарии	0010

**Иван Алексеевич Бунин
(ПЕСНЯ ЖАВОРОНКА)**

Я помню себя еще маленьким мальчиком, когда я услышал песенку жаворонка. Это было весеннею зарею, когда и небе одна за другою гасли серебряные звезды.

Мы жили на краю большого села, от нашего домика уходили вдаль нивы, а с другой стороны в темных оврагах распевали весною потоки, падая с уступа на уступ и разбегаясь по гольшам. Сочная молодая травка выростала в мае на этих уступах, и я помню, как часто я сходил в жаркий полдень на эти лужки и разгоряченным лицом ложился на холодную траву...

Но слушайте дальше.

Долго я сидел взаперти зимою в домике...

И вот наконец пришла весна. Я стал гулять по проталинам в саду. Дни были теплые, влажные. Вон за оврагом от оттаявшей земли всходит пар. Земля отходила, и далеко по лугам весь день стояли туманы.

А петухи распевали во все горло, оглашая село своими криками, воробьи, как сумасшедшие, трещали по голым кустам калины и смородины.

Весело было мне смотреть, как первая му-

ха заби́лась у нас между рамами и солнце забрасывало теплый луч в комнаты. Под окнами у нас стояли лужи воды, и когда солнечный день играл на них, они трепетали, дрожали и сверкали, как расплавленное золото, и на потолке нашей комнаты отражалась та же лужа, и так же дрожала и сверкала она.

И вот в это-то время я услышал жаворонка.

Помню, после теплого светлого дня наступила ночь, погасла вечерняя заря, но долго не смолкали грачи в ближней березовой роще, и, когда наконец замолкли они, глухо было слышно, как шумели потоки, словно кто лил из ушата в кадку воду, как шуршал порою обливающийся снег. Я долго не спал, долго лежал с открытыми глазами в своей комнате. В моей детской голове связывались разные фантастичные мечты, наконец я стал уже забываться, когда часы пробили три раза. Звуки эти заставили меня опять очнуться. Я полежал еще несколько времени, и в голову мне пришла мысль, — не спать до утра, видеть, как поднимается солнце.

«Должно быть, недалеко до зари», — подумал я и взглянул на небо через окно. Но небо

было еще темно. И какая-то большая звезда голубым блеском мерцала через стекло. Я подумал, как должно быть хорошо теперь на дворе, и решил одеться и выйти.

Робко я пробрался по темным комнатам и вышел из гостиной с балкона в сад. Сад выходил в поля. Я долго гулял по ним, сначала с непонятым замиранием сердца, а потом смелее. Я слышал шум воды, слышал, как в темных кустах что-то копошилось и пищало. Я останавливался, закидывал голову и долго смотрел в глубину неба, и мне казалось, что мириады звезд словно были развешаны в темно-синем пространстве. И тогда-то, может быть в первый раз, пробудилось во мне смутное чувство трепета и благоговения перед творцом миров, благословляющим свои создания и распускающим над землею свой милостивый, божественный покров...

А между тем далекий край неба уже начал бледнеть. Тихо приближалась весенняя заря, и жизнь начала просыпаться. Где-то далеко на деревне закричал петух, за ним другой, третий... Воробей сквозь утренний чуткий сон чирикнул в кустах. Ветерок шевельнул

деревья и стих... прозвенел вдалеке на поле бубенчик на жеребенке, должно в ночном, и замер.

Все опять замолкло... Тихо стало на земле и на небе, затихла природа, затаила дыхание в ожидании дня.

И я услышал, как с опушки сада вспорхнула птичка. Скоро в утреннем чистом воздухе раздались звонкие трели жаворонка и с тех пор остались на всю, кажется, жизнь в душе.

Мне показалось, что смолк глухой ропот потоков и все стало внимать тихо-звонким трелям. И на эту песнь отозвалась моя чуткая детская душа. Я, помню, прислушивался, прислушивался, и непонятная тихая грусть овладела мною. У меня покатались слезы. Я хорошо чувствую и сейчас эти моменты в то время, когда я сосредоточиваюсь и на минуту забываю бедную жизнь мою, отдаваясь прошлому.

А жаворонк пел, и мне казалось, что он рассказывает что-то ангелам, которые глядели на землю своими кроткими очами; жаворонок видит, думал я, вон тот луч, наполненный утренним туманом, видит, быть может,

меня и поет свою тихую песенку. О чем он поет? Его грудь, может, трепещет от наслаждения, что он дрожит в темном весеннем воздухе. Он видит, как спит бедный труженик, он слышит голоса пробуждающейся природы...

Нет! ничего нету милее песни жаворонка. Соловьиная голосистая песня торжественна и звучит любовью страстною и кипучею. Трель жаворонка звонкая, и что хранится в тайниках наших душ, что хранится там самого лучшего, откликнется на нее. И теперь, когда я уже вступил в жизнь, когда она уже успела наложить на меня свою грубую ладонь, воспоминание о весенней заре, чистой, как божий ангел, воспоминание о песенке жаворонка возвращает душе моей чистоту и невинность...

А жаворонок долго пел, пел, пока выплыло солнце, когда веселее взглянул мир божий, и опять полые воды еще сильнее разыгрались на лугах.

Комментарии

Этот небольшой рассказ является одним из самых ранних прозаических опытов Бунина, которому автор не дал названия и нигде не печатал его. Однако он выполнен в той лирической манере, которая достигнет совершенства в 1900-е годы и станет характерной чертой его позднего творчества. Отрывки из этого рассказа были впервые опубликованы в статье С. А. Гольдина «О литературной деятельности И. А. Бунина восьмидесятых годов» («Ученые записки Орехово-Зуевского педагогического института», т. IX, вып. 3. М., 1958, с. 4).

В автографе после слов «сильнее разыгрались на лугах» были прописаны следующие абзацы:

«Эта песнь связалась с моею душою. Когда порою горе подойдет ко мне, я вспоминаю песню этого жаворонка, и мне станет легче. Тяжелая тоска сменяется тихой грустью. Я плачу тогда, и в сердце у меня звучит трель птички.

Вспоминается мне село, сады, поля, овраги

и весенние потоки, которые играли и шумели
в них, падая с уступа на уступ...»